

АЛХИМИЯ ПИСЬМА

КАК ПРЕВРАЩАТЬ
СЛОВА
В ЗОЛОТО

КИТ СТРЕЙКВУД

Кит Стрейквуд

**Алхимия письма. Как
превращать слова в золото**

«Автор»

2026

Стрейквуд К.

Алхимия письма. Как превращать слова в золото /
К. Стрейквуд — «Автор», 2026

инг выбросил «Кэрри» в мусор. Маркес не мог наскрести денег на дорогу. А вы всё ещё ждёте идеальных условий, чтобы начать писать? Загляните в жизнь тех, чьи книги пережили отказы, безденежье и чужое неверие. Здесь Моэм, Капоте, Гессе и другие великие перестают быть недостижимыми именами: они ошибаются, любят, упрямятся и добывают истории из собственной жизни. Вы увидите, как детское воспоминание становится романом, а ежедневная работа превращает робкие попытки в литературу. Откройте эту книгу, если свой первый текст вы слишком долго откладываете. Или если хотите узнать, чего стоили ваши любимые книги людям, которые их написали.

© Стрейквуд К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Маркес: Жить, чтобы рассказывать	6
Глава 2. Моэм: пять портретов одного лица	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кит Стрейквуд
Алхимия письма. Как
превращать слова в золото

Глава 1. Маркес: Жить, чтобы рассказывать

1. Путешествие с целью продажи дома

В 1950 году, за месяц до того, как Маркесу исполнилось 23 года, мама позвала его, чтобы вместе продать единственный дом в семье. Этот дом был старинным родовым поместьем дедушки и бабушки Маркеса; Маркес родился в нём, но с восьми лет больше туда не бывал.

Продажа дома — дело серьёзное, а продажа единственного дома в семье — дело ещё более серьёзное. Возможно, это означало, что семья оказалась в затруднительном положении и дошла до того, что продать дом стало просто необходимо.

В то время Маркесу, которому скоро должно было исполниться 23 года, только что бросил юридический факультет, и каждый день он занимался литературной деятельностью, не имеющей никакого отношения к зарабатыванию на жизнь. Например, читал и заучивал книги, писал статьи для газеты «Pioneer», получая за них гонорар, который был лучше, чем ничего, или продолжал вместе с друзьями издавать журнал, находящийся на грани краха. Он был полностью поглощён накоплением навыков написания романов, несмотря на то, что был без гроша в кармане.

Он был воодушевлён похвалой друзей и вниманием критиков, которые вызвала публикация шести его рассказов в приложении к газете, и не обращал внимания на свою бороду, похожую на сорняки, и волосы, напоминающие курятник. Джинсы и клетчатая рубашка — вот его повседневный наряд. Кто бы ни увидел его в таком виде, тот, как и та девушка, которую он знал, за спиной шептал бы: «Бедный Габито — ему уже не спастись».

Сейчас он вместе с мамой едет продавать дом.

Поездка в старый дом займет два дня. Мама сказала, что денег не хватит, а Маркес ответил: «Свою долю я оплачу сам». Он сказал это лишь из-за гордости.

Проблему с дорожными расходами решить не удалось. Он хотел взять аванс из зарплаты, но менеджер газеты сказал ему: «Ты уже по уши в долгах, лучше подумай, когда вернешь те 50 с лишним песо, которые уже должен».

Он развернулся и направился в кафе рядом с книжным магазином, мимо которого часто проходил, и у входа остановил владельца магазина, протянув руку с просьбой одолжить 10 песо. Это была не слишком удачная попытка: у владельца на все тело оказалось всего 6 песо.

Слава богу, 32 песо — эту сумму им с мамой удалось набрать. Если не удастся продать дом, как планировалось, этой суммы не хватит, чтобы вернуться в Баланкию, где они жили раньше.

Путь до его родного города Аракатака был довольно долгим: им предстояло пересечь водный канал на моторной лодке, проехать через болота и пересечь на поезд.

То, что он увидел на катере, произвело глубокое впечатление на этого молодого человека, которому скоро исполнится 23 года. Кровососущие комары, как и девушки, занимающиеся проституцией на катере, энергично летали туда-сюда. В соседней каюте до полуночи бушевала разгульная вечеринка. Корпус катера сильно трясся, и заснуть было невозможно.

Маркес, сидя на лодке, жадно поглощал книгу «Свет августа» Фолкнера — своего самого надёжного духовного наставника в тот момент. Истощав все силы, он сел рядом с мамой и закурил. А дальше его ждали адские минуты.

«Твой отец очень огорчён», — сказала мама.

Об этом он знал. Отец всегда надеялся, что Маркес поможет ему осуществить мечту о высшем образовании и привезет диплом, чтобы повесить его на стену. Но Маркес бросил учебу на полпути, отказавшись от образования. (Примечание: здесь были некоторые объективные факторы, о которых подробно рассказывается далее.)

«Он в своё время тоже бросил учёбу, чтобы играть на скрипке», — вероятно, из-за чувства собственного достоинства Маркес начал придирается к отцу.

«Это не то же самое», — так начался спор, который вскоре ушел в сторону.

Моторная лодка качалась на волнах, следуя заданному маршруту через болота. Мать и сын сели в поезд, и мать вновь заговорила об этом. Сын ответил категорично: «Скажи ему, что всю жизнь я хочу быть только писателем и обязательно им стану». Эта идея мать не заинтересовала. Чем бы он ни занимался, сначала нужно получить диплом. На этом разговор закончился, а события только начались.

Из-за продажи дома ему предстояло проехать через Макондо — банановую плантацию, которая пронизывает весь роман «Сто лет одиночества», — чтобы вернуться в место своего рождения, прибрежный городок Аракатака в колумбийском департаменте Магдалена. Он был благодарен за то, что много лет прожил вдали от родного края, но при этом не идеализировал и не романтизировал ностальгию по нему. Родина, открывшаяся перед ним, осталась прежней. Перед городком по-прежнему текла бурная река, а на дне лежали гладкие белые гальки. Эти картины вдохновили его много лет спустя на написание той всемирно известной фразы, с которой начинается «Сто лет одиночества»:

Много лет спустя, стоя перед расстрельной командой, полковник Аурелиано Буэндиа вспомнит тот далёкий день, когда отец привёл его посмотреть на лёд. В те времена Макондо был деревушкой из двадцати домов, построенных из глины и тростника и выстроенных вдоль берега реки; вода в реке была прозрачной до дна, а галька на дне — белая и гладкая, словно доисторические гигантские яйца. В начале нового мира у многих вещей ещё не было названий, и, упоминая о них, приходилось показывать на них пальцем.

«В этой жизни я хочу только быть писателем, и я обязательно им стану».

Прошло немало времени с тех пор, как это предсказание сорвалось с языка, до того момента, когда оно стало реальностью. Все эти дни, по сути, были новым освещением прошлой жизни. А поездка на родину, чтобы продать дом, стала поводом для этого освещения.

Выйдя из поезда, он и мама увидели Алакатаку, какой она станет через десяток с лишним лет.

«Боже мой!»

В городке царила мертвая тишина, ни души. Не успели они сделать и нескольких шагов, как раскалённая пыль засыпала им в сандалии. Маркес посмотрел на себя и на маму и вспомнил, как в детстве в Алакатаке видел сестру и мать одного вора. Вора застрелили однажды в три часа ночи у входа в один из домов, когда он собирался совершить кражу. Это был первый мёртвец, которого Маркес видел в жизни. Через неделю маленький Маркес, выглянув из окна, увидел, как мать вора, ведя за собой девочку лет двенадцати с букетом цветов в руках, шла по дороге к кладбищу.

Спустя более десяти лет, снова идя по раскалённым дорогам родного города, Маркес, глядя на себя и свою мать, вспомнил эту сцену: «Тогда я впервые осознал, что, несмотря на несчастье, обрушившееся на эту мать и дочь, их достоинство осталось нетронутым». Позже он написал об этом рассказ «Вторник в час послеобеденного сна». Это был короткий рассказ, недостаточный, чтобы охватить все потрясения, которые вызвало в нём это возвращение на родину. Его амбиция заключалась в том, чтобы «найти идеальное литературное воплощение для всех переживаний детства».

И он нашёл это пристанище. Без всяких сомнений — это именно «Сто лет одиночества».

При упоминании «Столетия одиночества» многие рефлекторно думают о «магическом реализме». Но Маркес не раз пояснял, что то, что описано в книге, — отнюдь не магия, а реальность. Детство Маркеса прошло в несчастной многодетной семье. Его сестра Маргот, действительно, как и написано в книге, до восьми лет целыми днями ела землю. Его бабушка по материнской линии увлекалась гаданием; тот день, когда дедушка по материнской линии взял его

за руку и отвел в офис представителя банановой компании, чтобы посмотреть на куски льда, — это и есть тот самый день, о котором говорится в начале «Столетнего одиночества». И таких примеров можно привести без конца.

Маркес с некоторым пренебрежением относился к разнообразным интерпретациям «Столетнего одиночества» со стороны критиков. Ведь в таком романе, как «Столетнее одиночество», содержатся аллюзии на многих близких родственников и друзей Маркеса, и эти аллюзии могут обнаружить только они сами. Все анализы критиков — не более чем беспочвенные домыслы, а все комментарии — пустые разглагольствования. То, что он написал, — не что иное, как основная реальность Колумбии или, если угодно, всей Латинской Америки.

Маркесу, которому скоро исполнится 23 года, и его матери изначально планировали пойти прямо в старый дом, чтобы поскорее уладить дела с продажей. Когда до него оставался всего один квартал, мать внезапно изменила направление движения. Она сказала, что перед тем, как посмотреть дом, нужно с кем-нибудь поговорить. И действительно, это место, бесплодное, как спина иссохшего старика, вызывало страх.

Они нашли в городке пожилого врача. Врач, словно открыв шлюзы, вылил на мать и сына целый поток трагедий, произошедших на этой земле за последние десятки лет, со всеми подробностями. Источником всех бед, конечно же, была резня банановых рабочих, совершенная военными и до мельчайших подробностей описанная в романе «Сто лет одиночества». Доктор рассказывал так живо, словно воссоздавал сцены собственными глазами. А сколько же людей погибло в этой резне — три или три тысячи? Это остаётся окутанным туманом тайной. Время шло, банановая компания исчезла навсегда: «Американцы никогда не вернуться», — этими словами доктор поставил многозначительную точку в этой трагической истории. Её тяжесть напоминает заключительную фразу романа «Сто лет одиночества»:

«Всё, что записано на пергаменте, от вечности до вечности больше не повторится, ибо роду, обречённому на столетнее одиночество, не дано появиться на земле во второй раз» (Маркес, «Сто лет одиночества»).

Трагедия, в которой были убиты рабочие Колумбийской банановой компании, произошла 6 декабря 1928 года, и место события точно совпало с родным городом Маркеса — Аракатака. Дассо Сардиваль в «Биографии Гарсиа Маркеса» пишет: «Эта трагедия стала самым значительным историческим преступлением, оказавшим огромное влияние на жизнь и творчество Гарсиа Маркеса».

Врач рассказывал так живо и выразительно, что это послужило живым материалом для будущего романа Маркеса «Сто лет одиночества». Неожиданным результатом стало то, что врач также внес весомый вклад в то, чтобы Маркес стал писателем. Мама изначально хотела, чтобы врач как следует остудил писательские мечты Маркеса, которому скоро должно было исполниться 23 года, но, к её полному удивлению, эта «холодная вода» обрушилась на неё саму.

«Посмотрите, зять, — сказала она, — он хочет стать писателем».

Глаза доктора заблестели.

«Замечательно, старшая сестра!» — воскликнул он. «Небеса не безжалостны».

Оставшееся время неуместно полностью ушло на разговор доктора и Маркеса. Они обсуждали литературные произведения, о которых мама не имела ни малейшего представления.

Часы пробили два раза: «Нам пора».

Мать с сыном подошли к старому дому, который ждал своей продажи.

Два миндальных дерева у входа — которые на протяжении многих лет были символом дома — уже давно были выкорчеваны с корнями, и одинокий дом остался беззащитным перед ветром и солнцем. Под палящим солнцем осталась лишь фасадная часть шириной тридцать метров: одна половина — кирпичная стена с черепичной крышей, напоминающая игрушечный домик, а другая — необтесанные деревянные доски. (Маркес, «Жить, чтобы рассказывать»)

Дверь была закрыта. Мама постучала несколько раз, и дверь приоткрылась. Из-под приоткрытой двери выглянула бледная женщина в траурной одежде — словно из другого мира. Войдя в дом, мы увидели в гостиной старика, сидящего в инвалидном кресле. Они были давними арендаторами и теми, кто собирался купить этот дом.

Переговоры о продаже дома шли очень негладко. Арендаторы сказали, что если бы не они, этот дом уже сотни раз рухнул бы. Они также вытащили на свет немало старых историй, чтобы доказать, что дом когда-то был заложен в качестве обеспечения кредита. Посчитав всё, мама поняла, что от продажи дома не только не получит денег, но, возможно, ещё и останется в долгу. В порыве гнева мама решила не продавать дом.

«Пусть мы и родились здесь, но умрём здесь же!»

Позже Маркес вспоминал: «В каждом уголке этого дома кто-то умирал, и с каждым из них связаны незабываемые воспоминания. Каждый день после шести часов вечера по дому нельзя было свободно ходить. Это был поистине ужасающий и волшебный мир. Часто слышались непонятные шепоты».

Оглядывая старинный дом со всех сторон, Маркес вспоминал одну сцену за другой. Среди них история о дуэли его деда, рассказанная ему бабушкой, была признана Маркесом первым событием в реальной жизни, которое вдохновило его на творчество. Во главе с дедом мужчины этой семьи были мастерами устраивать скандалы и еще больше — раздувать мелочи до огромных масштабов.

Много лет спустя другой колумбийский писатель, Плинио Аплейо Мендоса, беседуя с Маркесом о романе «Сто лет одиночества», задал ему следующий вопрос:

«В вашей книге мужчины всегда представлены как фанатики и безумцы (они увлечены изобретениями, алхимией, войнами и развратом), а женщины — как разумные и трезвые. Это ваше видение отношений между полами?»

Маркес ответил: «Я считаю, что женщины способны удержать весь мир от разрушения, а мужчины только и знают, что разрушать историю. В конце концов, люди поймут, какой из этих подходов менее мудр».

В 1967 году вышла в свет книга «Сто лет одиночества». Вторая половина жизни Маркеса, как и сказал Борхес, прошла под «ярким светом славы». Его имя часто появлялось в газетах, а его фигура мелькала в свете фотовспышек. Он общался с главами государств и посещал различные торжества. Его произведения переиздавались тысячами и десятками тысяч тиражей.

Истоки всего этого уходят корнями в начало марта 1952 года, когда он вместе с матерью отправился в Аракатаку, чтобы продать старинный дом. Как началась и как закончилась сделка по продаже дома, уже не имеет значения. Важно то, что, как говорит Маркес, «эта короткая и простая двухдневная поездка имела для меня огромное значение, о котором я не смогу рассказать до конца, даже если проживу сто лет и буду посвящать всю свою жизнь литературе». Он считал это самым важным решением в своей писательской карьере и во всей своей жизни.

В тот день по дороге он без устали расспрашивал мать о своих дедушке и бабушке:

«Какова была их судьба?»

«Когда они приехали в Аракатаку?»

«Кого 44 года назад полковник Маркес был вынужден убить на дуэли?»

«Какие таинственные события произошли в деревне Макондо, окружённой множеством макондовых деревьев, до того дуэля?»

Ответы на эти вопросы он постепенно вплетал в свои литературные произведения: помимо «Столетнего одиночества» — «Любовь во время холеры», помимо «Любови во время холеры» — «Злое время», «Осень старейшины», «Генерал в лабиринте», «Любовь и другие демоны»... Кто может сказать, что это не было решающим возвращением на родину?

2. Как член «волшебной семьи»

Чтобы понять Маркеса, недостаточно знать только о тех нескольких днях в начале марта 1952 года, когда он вернулся в родной город. Его история длинна, и рассказывать её нужно с самого начала.

Этот всемирно известный лауреат Нобелевской премии по литературе поначалу сам не до конца понимал, когда именно он родился. Во всех доступных публикациях — в 1960-70-е годы, когда он начал приобретать известность, и даже в тот момент, когда он держал в руках сертификат о присуждении Нобелевской премии по литературе, — Гарсия Маркес указывался как родившийся 6 марта 1928 года. Сам он так и не смог выяснить, когда именно он появился на свет. Смерть родителей, беспорядки в стране, а также многолетнее переезды из одного города в другой — Каракас, Мехико, Гавана, Нью-Йорк, Барселона — привели к тому, что многие документы давно превратились в прах, и их уже невозможно было проверить.

Спустя несколько десятилетий был обнаружен достоверный документ — свидетельство о крещении Гарсии Маркеса, в котором указано точное время его рождения: 8:30 6 марта 1927 года. С тех пор история жизни Маркеса обрела точную отправную точку, с которой можно было начать её рассказ.

6 марта 1927 года в 8:30 в приморском городке Аракатака на побережье реки Магдалена в Колумбии у одной из рожениц родился мальчик, которого назвали Габриэль Хосе Гарсия Маркес. Сначала он жил не с родителями, а со своими бабушкой и дедушкой.

Дедушка и бабушка переехали в Аракатаку за семнадцать лет до рождения Маркеса, взяв с собой 21-летнего сына и двух дочерей — 19-летнюю и 5-летнюю. Пятилетняя девочка и была матерью Маркеса. Этот переезд был вынужденной мерой. Дедушка, полковник Маркес, убил человека на дуэли в своём родном городе Баланкас и, мучимый угрызениями совести, был вынужден переехать со всей семьёй в незнакомое место.

Жизнь здесь придала детству Маркеса совершенно иные краски благодаря дедушке и бабушке.

Дедушка был военным, полковником, и его отличительной чертой был сдержанный юмор. Он так же разговаривал даже с Маркесом, которому было всего три-четыре года, что производило неизгладимое впечатление. В моих воспоминаниях дедушка брал трех-четырёхлетнего Маркеса посмотреть на море:

«Вот это и есть море», — сказал он мне. Я был разочарован и спросил его, что находится за морем.

Он без колебаний ответил: «У моря нет той стороны». (Маркес, «Жить, чтобы рассказывать»)

В поезде Маркес спросил нас, почему мы едем в третьем классе, и ответил: «Потому что четвертого класса нет».

Жизнь в большой семье, где преобладали женщины, требовала такого образца мужественности, каким был дедушка, чтобы стать примером для Маркеса в детстве. «Живя среди этой группы женщин, увлечённых продвижением своих взглядов, моё чувство безопасности полностью исходило от дедушки. Только с ним я не испытывал страха, только с ним я мог стоять твёрдо на земле и опираться на реальность».

В отличие от строгого деда, бабушка была человеком, склонным к панике. Даже самые обыденные вещи в её устах становились необычными. Она часто с волнением вспоминала прошлое, придавая ему волшебный оттенок. Такой стиль повествования оказал непосредственное влияние на литературное творчество Маркеса. Он признавал, что манера повествования в «Столетнем одиночестве» заимствована у бабушки.

У этой старушки был ещё свой особый способ толкования снов, который определял повседневное поведение каждого члена семьи. Всё, о чём она говорила днём — галлюцинации, предзнаменования и вызывание духов, — к вечеру сбывалось одно за другим. Это пугало

маленького Маркеса. Позже он изложил все эти странные истории, услышанные от бабушки, в форме романов.

В его первом рассказе «Третье безысходное положение» мы видим, как семилетний мальчик воскресает из мертвых, а затем 15 лет прорастает в гробу, в результате чего превращается в нематериального, неосязаемого мертвеца. А в рассказе «Сухие ветки и опавшая листва» одиннадцатилетний мальчик долгое время сидит на стуле, глядя на труп врача, покончившего с собой. Подобные образы неоднократно появляются в большинстве его произведений и в конечном итоге воплощаются в образе Мельгардеса — ключевого персонажа романа «Сто лет одиночества». Этот образ был создан страшными историями, которые бабушка рассказывала по ночам. Эти истории не давали Гарсиа Маркесу обрести покой. Именно это беспокойство давало ему неиссякаемый поток вдохновения при написании его грандиозных произведений.

Оба этих способа восприятия мира — деда и бабушки — нашли отражение в Маркесе и, словно клеймо, отпечатались в его литературном творчестве. Мир бабушки сбивал его с толку и часто наполнял страхом. Как только бабушка и её подруги начинали рассказывать ему какие-нибудь нелепые истории, дедушка всегда говорил: «Забудь об этом, в такие вещи верят только бабы». Но ребёнок просто не мог устоять перед соблазном волшебного мира, созданного бабушкой, и его любопытство только усиливалось.

С одной стороны — реальный мир рационального развития, олицетворяемый дедушкой, в котором царили порядок и безопасность; с другой — волшебный мир, вращающийся в застывшем времени и пространстве, олицетворяемый бабушкой, полный причудливых и странных явлений. Эти два мира боролись и рвали друг друга в сознании юного Маркеса, делая каждую мелочь несовместимой. В конце концов, писательская карьера Маркеса поставила его на сторону бабушки, а не дедушки, что оказало решающее влияние на пространственно-временную структуру таких произведений, как «Сухие ветви и опавшие листья» и «Сто лет одиночества».

В 1936 году девятилетний Маркес попрощался с бабушкой и дедушкой и вместе с родителями переехал в Сукре. С тех пор на его жизнь стали влиять отец и мать. А история любви его родителей непосредственно легла в основу романа «Любовь во время холеры».

Отец Маркеса был родом из Картахены и, будучи чужаком, жил в Аракатаке. Он познакомился с матерью Маркеса, Луизой Мехиа Бидаль, во время поминок по умершему ребенку. Согласно обычаю, девушки должны были петь любовные песни в течение девяти ночей в память о погибшем ребенке. В хор вступил мужской голос, девушки обернулись и остолбенели: какой красавец! «Мы все выйдем за него замуж», — запели они в припеве.

Этот молодой человек был приезжим из Картахены, только что прибывшим в город. Изначально он учился на медицинском факультете, но из-за нехватки денег был вынужден бросить учебу и устроиться телеграфистом. Он одевался по последней моде, что заставляло людей ошибочно считать его распутником, развлекающимся с разными девушками и не возвращающимся домой до утра, но на самом деле его любовь была предназначена только для одной — матери Маркеса, Луизы Мехиа Бидаль. Он обладал необыкновенной красноречивостью, великолепно танцевал и прекрасно играл на скрипке. На одном из вечерних балов он подошёл к любимой девушке, снял розу с петлицы и сказал ей: «Эту розу и всю мою жизнь я посвящаю вам». После этого молодой человек начал подобные романтические ухаживания, часто прибегая к тактике «приблизиться, чтобы отдалиться». В конце концов девушка, несмотря на противодействие всей семьи, решительно вышла за него замуж.

История Фермины и Алисы из романа «Любовь во время холеры» гораздо сложнее. Случайный взгляд Фермины стал для Алисы «источником этой потрясающей любви, которая не угасла даже спустя полвека». После 58 лет упорных ухаживаний он наконец, уже седой, завоевал Фермину — единственную богиню своей жизни. В тот момент Фермина была вдовой,

только что потерявшей мужа, а Алиса — холостяком, десятилетиями блуждавшим в безбрежных прелестях жизни. Двое пожилых людей занялись любовью в каюте парохода.

Она поняла, что он не случайно позволил ей увидеть его мужское достоинство, а намеренно продемонстрировал его, словно хвастаясь трофеем, чтобы поднять себе настроение. (Маркес, «Любовь во время холеры»)

Алиса всю жизнь неустанно добивался Фермины; его непоколебимая решимость и бесстрашная любовь превратили всё, что называлось любовью, в нечто, лишь напоминающее любовь.

Роман «Любовь во время холеры», основанный на истории любви родителей Маркеса, был опубликован в 1985 году и стал ещё одним великим произведением, принесшим Маркесу огромную славу вслед за «Столетним одиночеством».

В 1947 году 20-летний Маркес поступил на юридический факультет Национального университета в Боготе и начал читать стихи многих выдающихся поэтов. Помимо этого, в том году было несколько дней, заслуживающих отдельного упоминания:

15 апреля скончалась его бабушка по материнской линии.

13 сентября в субботнем приложении к газете «Обозреватель» был опубликован его первый рассказ «Третья безысходность». Рассказ имел большой успех, что очень воодушевило автора.

25 октября в приложении к газете «Обозреватель» был опубликован рассказ «Ева залезла в живот кошки». Руководитель рубрики Эдуардо Сарамея Борда написал в своей рецензии: «Родился выдающийся новый писатель».

В феврале 1948 года Маркес вернулся в университет по водным путям реки Магдалена и зарегистрировался на втором курсе юридического факультета. Он сделал это не из любви к специальности, а лишь для того, чтобы успокоить отца.

В апреле того же года произошло событие, которое привело к тому, что Маркес бросил учебу и начал работать в прессе. Это произошло 19 апреля 1948 года в 13:05. В тот момент Маркес беседовал с друзьями у входа в здание газеты «Эпоха», а в нескольких метрах от них разыгралось вошедшее в историю событие в Боготе.

9 апреля 1948 года в 13:05 Хуан Роа Сьерра, человек с явными признаками шизофрении, вооруженный револьвером, внезапно выстрелил в упор в лидера Партии свободы Хорхе Элесера Гейтана. Через 40 минут Гейтан скончался в больнице. По всем признакам Гейтан должен был стать следующим президентом Колумбии; он обещал, что тогда обязательно вырежет эту опухоль олигархии. Неожиданно, не успев взять в руки скальпель, чтобы вырезать эту опухоль, он скончался в операционной. Колумбия — страна, в которой с момента колонизации и до обретения независимости не прекращались вооружённые конфликты, — под управлением олигархического правительства вновь оказалась в тупике насильственной борьбы.

Смерть Гайтана вызвала беспорядки по всей стране, в которых костяк движения составляли студенты Колумбийского университета. Вскоре студенческое движение набрало обороты, и правительство начало его подавлять. Полиция закрыла Колумбийский университет в Боготе, и Маркес был вынужден покинуть учебное заведение. Не имея ни диплома об окончании университета, ни средств к существованию, он, чтобы заработать на жизнь, поступил на работу в журналистику и устроился в недавно основанную газету «Космос». Так началась его новая жизнь.

3. В качестве журналиста

Как и живопись, кино и литература, издание газет было одним из самых ранних увлечений Маркеса.

В возрасте от 13 до 15 лет он уже пробовал писать новостные репортажи для журнала «Молодёжь» школы Святого Иосифа. За 20 месяцев после начала работы в «Космосе» в 1948 году он написал 43 статьи под собственным именем и неизвестное количество статей без под-

писи. Все эти литературные упражнения стали важным началом его карьеры как журналиста и писателя, ведь журналист Маркес и писатель Маркес родились одновременно.

Всю жизнь он с большим уважением относился к своему журналистскому опыту: «Даже если бы мне приходилось терпеть унижения, как собаке, я бы не нашел профессии лучше, чем журналистика», — говорил Маркес, — «Я с самого начала и до конца оставался журналистом».

На протяжении всей жизни Маркес носил множество ролей. Но, как он сам говорил, с профессиональной точки зрения его сердце принадлежало именно журналистике. Самым ярким и одновременно самым опасным репортажем в его журналистской карьере стала история о выжившем в кораблекрушении — этот репортаж, едва не стоивший ему жизни, заслуживает подробного рассказа.

В 1954 году Маркес писал репортажи и кинокритики для газеты «Обсерватор» в Боготе, столице Колумбии. Год спустя он опубликовал в этой газете серию репортажей «История выжившего в кораблекрушении», которая произвела фурор, но в то же время принесла ему большие неприятности.

История этого выжившего в кораблекрушении продолжалась так долго, что не имела себе равных среди предыдущих новостных событий. О драматических приключениях этого моряка можно судить по оригинальному заголовку репортажа того времени:

«История человека, который после кораблекрушения десять дней дрейфовал в море без еды и воды, был провозглашен национальным героем, получил поцелуй королевы красоты, заработал целое состояние на рекламе, а затем был отвергнут властями и навсегда забыт»

Как же появился этот репортаж? Что же на самом деле произошло с этим выжившим в кораблекрушении? Все началось в 1955 году.

В 1955 году эсминец «Кардас» завершил многомесячный плановый ремонт в Мобиле, штат Алабама, США, и вышел в плавание обратно в страну. Когда до прибытия в Ката Хена оставалось всего два часа, произошла авария. Сообщалось, что восемь матросов с эсминца попали в шторм, упали за борт и пропали без вести. Впоследствии было опубликовано официальное сообщение, содержание которого было весьма лаконичным: в нём выражалось почтение погибшим военно-морским морякам, и больше ничего.

Позже военные сообщили: моряк по имени Беласко спасся, сев на деревянный плот без весел. Проведя десять дней без еды и воды, он, находясь на грани смерти, приплыл к одному из пляжей Урабы и выжил.

Журналисты с острым чутьем, конечно же, проявили огромный интерес к такому выжившему в кораблекрушении. Как только появилась эта новость, репортеры всех крупных газет, включая Маркеса, поспешили на место событий, стремясь первыми заполучить эксклюзивный репортаж.

Однако:

до него просто не было доступа!

Военные уже давно поместили выжившего в военно-морской госпиталь Картахены, изолировав его от внешнего мира.

В этот момент Маркеса потрясло подозрение, всплывшее в его голове: а не скрывают ли власти шокирующую правду о кораблекрушении?

Вскоре военный советник не только разрешил этому выжившему по имени Беласко свободно передвигаться, но и поддержал его в съемках всевозможных причудливых рекламных роликов.

В эфире он рассказывал, что его часы выдержали испытание суровыми погодными условиями на открытом воздухе, за что он получил пятьсот долларов и новые часы; он говорил, что его резиновые сапоги были настолько прочными, что, когда он был на грани голодной смерти, он грыз их, но так и не смог разгрызть, за что фабрика по производству резиновых сапог наградила его тысячей долларов. Всего за один день он выступил с патриотической речью, получил

поцелуй от победительницы конкурса красоты и, в качестве образца нравственности, встретился с сиротами. (Маркес, «Жить, чтобы рассказывать»)

Драматизм истории на этом не заканчивается: что особенно важно для Маркеса, его газета каким-то образом сумела заключить контракт с Беласко и получила эксклюзивные права на освещение всех подробностей кораблекрушения. А «почётная» задача взять интервью у выжившего Беласко без проблем легла на плечи Маркеса.

Маркес не проявил особого энтузиазма по поводу этой возможности получить эксклюзивный репортаж; напротив, он все еще пребывал в угнетённом настроении после предыдущей неудачной попытки взять интервью и не хотел иметь ничего общего с этим репортажем. Но раз уж это была работа, то отказаться не было причин. Поэтому он сразу же заявил, что напишет этот репортаж лишь в соответствии с рабочим поручением и не будет подписываться под ним. В результате репортаж был написан от первого лица и превратился в рассказ, представляющий собой внутренний монолог одинокого искателя приключений.

Интервью Маркеса с Беласко длилось три недели: он слушал, делал записи, систематизировал материал и публиковал его; к концу всего этого процесса он был полностью измотан. По логике вещей следовало бы сначала дописать всю историю, отредактировать её, а уже потом публиковать частями. Но чтобы обеспечить актуальность репортажа, пришлось вступить в гонку со временем. Если бы в этот период произошло ещё одно, более привлекающее внимание событие, новостная ценность этой истории о выжившем в кораблекрушении была бы полностью утрачена. Поэтому процесс пошел так: Беласко рассказывал одну главу, Маркес писал одну главу, и на следующий день днём она появлялась в издании.

Первая статья из серии была опубликована 5 апреля 1955 года; в тот день газеты были разграблены, что вызвало огромный резонанс.

На третий день мы указали на суть сенсационности события и решили раскрыть истинную причину катастрофы — по официальной версии, это был шторм.

Я хотел разобраться в этом подробнее и попросил Беласко рассказать всё до мельчайших подробностей.

Он уже хорошо знал, как проходят интервью, и перед тем, как ответить, в его глазах мелькнула хитрая искорка:

«Дело в том, что никакого шторма не было» (Маркес, «Жить, чтобы рассказывать»).

В чём же заключалась правда, скрывавшаяся за этим кораблекрушением? Сильное любопытство побудило Маркеса довести интервью до конца. Тогда он ещё не осознавал, что подтвердит то подозрение, которое мелькнуло у него в голове ранее: не скрывают ли власти шокирующую правду о кораблекрушении?

Политическая составляющая «репортажа» оказалась гораздо серьезнее: в итоге моряк, не выдержав давления, раскрыл всю правду о «приключении»: корабль накренился и потерпел крушение из-за контрабанды оружия, а за этим стояло правительство. Моряки из-за этого попали в беду, газета «Обозритель» также не избежала жестоких репрессий, а сам Маркес был отправлен в Европу, чтобы спастись от преследований. В январе 1956 года газета была полностью закрыта военно-политическими властями, а Гарсия Маркес оказался в безвыходном положении.

С тех пор как я написал репортаж о кораблекрушении, на нас обрушился поток реальных и вымышленных угроз смерти, поступающих самыми разными способами, и друзья посоветовали мне уехать за границу, чтобы переждать бурю. (Маркес, «Жить, чтобы рассказывать»)

Перед отъездом из Боготы Маркес по телефону сказал матери, что едет в Париж на две недели. Со временем кто-то сказал его матери, что сын обманул её: обещал остаться всего на две недели, а вместо этого развлекается в Париже. Мать Маркеса улыбнулась и ответила: «Габито никого не обманет». «Иногда это Божья воля — две недели превращаются в два года».

Книга «История одного выжившего в кораблекрушении» была издана в 1970 году и пользовалась большим успехом как по продажам, так и по отзывам читателей (). «Я» в этой книге — это Беласко, тот самый выживший, который во время кораблекрушения стал свидетелем гибели своих товарищей, пережил борьбу со смертью и в конце концов остался в живых. Чтобы выжить, он боролся с холодом, голодом, акулами, одиночеством и ужасными мыслями о том, что «я хочу умереть», и в какой-то момент даже смотрел на звезды, чтобы облегчить свои страдания. В этой борьбе на жизнь и смерть он воплотил в реальности сюжет романа «Старик и море». У старика ещё была возможность отступить, а «я» мог только бороться в безвыходной ситуации. Инстинкт самосохранения и сила человеческого духа великолепно раскрываются в борьбе с безысходной ситуацией.

Эту величественность блестяще описал Маркес своим виртуозным пером. При этом он никогда не жаловался на опасности, с которыми столкнулся из-за этой статьи, и даже сказал: «Поиск истины — это работа журналиста, романиста и пророка. Я всегда считал, что моя настоящая профессия — журналист». Эти слова были опубликованы в журнале «Paris Review» в 1981 году.

4. Прощай, друг

Его первые три рассказа, опубликованные в газете «The Observer», были очень хороши и ознаменовали его торжественный вход в мир литературы. Кафка, Джойс, Борхес, Томас Манн, Достоевский, Гарсиласо, Кведо и другие писатели — Маркес никого из них не боготворил, но всегда учился у них. Кафка, в частности, дал ему первоначальный импульс к творчеству.

В те времена он одолжил у одноклассника «Превращение» Кафки. Прочитав фразу: «Однажды утром Грегор Замша проснулся от беспокойного сна и обнаружил, что лежит в постели в образе огромного жука», — он был потрясён: «Чёрт возьми, так вот как это можно!»

«Оказывается, в литературе существует целый мир, помимо тех рационалистических и книжных догм, которые я тогда знал наизусть по школьным учебникам». Он решил, что, раз так можно, то и он сможет стать писателем. Не теряя времени, на следующий день он написал свой первый рассказ, забросив учебу.

Чтение укрепило его уверенность в себе и заложило основу его писательского мастерства. Фолкнер и Хемингуэй также стали для него образцами для подражания. У него даже была одна краткая встреча с Хемингуэем. Хотя Хемингуэй и не знал, кто он такой.

«Я узнал его с первого взгляда».

Это было в 1957 году в Париже, в один из дней, когда шел непрекращающийся весенний дождь. Хемингуэй и его жена Мариса шли в сторону Люксембургского сада. Хемингуэй был одет в потертые джинсы и клетчатую рубашку, на голове у него была бейсболка, а на глазах — маленькие круглые очки в металлической оправе. Хотя вокруг было много людей, он так выделялся из толпы, что Маркес сразу его узнал.

На мгновение он растерялся, не зная, как поступить: в его голове разделились две личности, которые начали бороться друг с другом. Непросто было решить: подойти и поздороваться или сразу выразить своё восхищение. Между ними стояли два препятствия: улица, пролегающая прямо перед ними, и его ещё не очень свободное владение английским языком. Перед лицом этих преград воздух внезапно замер, и он, сложив ладони у рта в рупор, крикнул через улицу: « » («Мастер... привет...»). Мастер, как и следовало ожидать, ясно осознавал, что он — единственный мастер среди бесчисленной толпы, повернулся, поднял руку в знак приветствия и, не задумываясь, ответил Маркесу: «До свидания... друг...».

На самом деле Маркес, этот друг Хемингуэя, больше никогда не видел своего Мастера. 2 июля 1961 года Маркес, уставший от долгого путешествия, прибыл с женой и детьми на центральный вокзал Мехико; он бегло огляделся и увидел, что небо озаряет яркое сияние заката. Позже он узнал, что в тот самый момент, когда он прибыл в Мехико, его мастер — Эрнест Хемингуэй — застрелился. Эти яркие лучи заката сразу обрели иной смысл.

Время летело быстро, и в 1967 году Маркес, преклонявшийся перед своим наставником, сам стал мастером в глазах людей. А до того, как «Сто лет одиночества» увидела свет, этот мастер был нищим, у которого даже на еду не хватало денег. Во всём этом ему помогла забота его жены Мерседес.

Я не знаю, как ей удалось уговорить мясника продавать ей мясо в кредит, пекаря — хлеб, а домовладельца — отсрочить оплату аренды на девять месяцев. Она брала на себя все заботы, скрывая это от меня, и даже через каждые несколько месяцев присылала мне по пятьсот листов рукописного бумаги. Эти пятьсот листов бумаги были необходимы мне всегда. А когда я закончил эту книгу, именно она лично отнесла рукопись на почту и отправила её в южноамериканское издательство. (Маркес, «Аромат гуавы»)

Историю об отправке книги нельзя так легко обойти стороной — её необходимо рассказать.

Это было в августе 1966 года: после 251 дня работы над произведением, которое зрело в голове более 30 лет, оно наконец было завершено. Мужчина выбежал под проливной дождь, кричал, плакал, вопил, смеялся до хрипоты — все эти страдания и радости знали только он и она.

На следующий день они пошли на почту: рукопись насчитывала 590 страниц. После взвешивания оказалось, что отправка обойдётся в 82 песо, а всё имущество мужчины и женщины составляло 53 песо. Не имея выбора, им пришлось отправить половину всех своих надежд и мечтаний. Вернувшись в квартиру, аренду которую они уже не могли себе позволить, в ту самую квартиру, где почти все имущество было заложено, мужчина и женщина обнаружили, что отправили именно вторую часть... Мужчина — Гарсия Маркес, женщина — его жена Мерседес, а произведение называется «Сто лет одиночества».

16 августа 1967 года Маркес и его жена Мерседес прилетели в аэропорт Эсеса в Буэнос-Айресе. Через неделю Маркес был приглашён на презентацию одной книги. Во время мероприятия кто-то внезапно узнал его и не смог сдержаться, воскликнув: «Это же автор „Сто лет одиночества“!» Впервые в жизни Маркес по-настоящему ощутил радость успеха великого мастера, и его настроение стало ещё более воодушевлённым, чем обычно.

Он сделал намеренную паузу, словно колеблясь, а может, и потрясённый. В конце концов, подражая мастеру Хемингуэю, он поднял руку в сторону того человека и ответил: «До свидания, друг...»

На следующее утро Маркес с женой завтракали в кафе рядом с отелем. В кафе было полно народа. Он сидел за столиком у окна, выходящего на улицу, и небрежно оглядывал толпу, когда вдруг заметил домохозяйку, возвращавшуюся с утреннего рынка. Он не знал, как поступить, долго не мог произнести ни слова и лишь с трудом указал на корзину той женщины. Жена последовала за его пальцем и сразу же увидела, что в корзине с овощами лежала книга «Сто лет одиночества».

В 1967 году вышла в свет книга «Сто лет одиночества». В 1982 году Маркес получил Нобелевскую премию по литературе. Во время церемонии вручения премии он выступил с речью «Одиночество Латинской Америки». Он рассказал о тяжёлом прошлом Латинской Америки, чтобы показать людям, что у неё ещё есть будущее. Последние строки речи звучали так:

Любовь действительно существует, счастье действительно возможно, и те семьи, которым суждено было пережить столетнее одиночество, наконец-то обрели возможность вечного возрождения на этой земле.

Впоследствии было опубликовано ещё несколько его произведений, в том числе автобиография «Жить, чтобы рассказывать», вышедшая в 2002 году.

17 апреля 2014 года он скончался в Мексике в возрасте 87 лет.

Глава 2. Моэм: пять портретов одного лица

1. Моэм-сирота

Уильям Саммерсет Моэм родился 25 января 1874 года в Англии.

В 8 лет умерла его мать. С того дня, как умерла мать, Моэм, куда бы он ни отправился, всегда носил с собой её фотографию и клал её у изголовья кровати вплоть до самой своей смерти.

В 10 лет умер его отец, Роберт Омонд Моэм. Отец был судьей, и Моэм унаследовал от него ежегодную ренту в размере 300 фунтов стерлингов.

После смерти обоих родителей о Моэме заботились дядя и тётя.

Дядя был священником и каждое воскресенье утром ходил в церковь. Вернувшись из церкви, он обязательно требовал, чтобы Моэм прочитал наизусть длинные отрывки из молитв. Моэм был ещё маленьким и совершенно не понимал смысла молитв. В отчаянии он мог только горько плакать. После нескольких таких случаев тетя заступилась за него, и ему удалось избежать наказания.

Жизнь в семье дяди была скучной и однообразной, лишенной воображения. Единственным утешением для Моэма здесь были горничные. Они заботились о его повседневных нуждах, купали его, укладывали спать и рассказывали сказки на ночь. Эти сказки были очень важны для него, так как помогали забыть об умершей матери.

Ни излишней ласки, ни тепла, ни радости — никто не относился к этому маленькому мальчику как к сокровищу. Спустя сорок лет Моэм, вспоминая те времена, считал, что в детстве получил так мало любви, что впоследствии даже чувствовал неловкость, когда его любили. А когда он сам проявлял эмоции, выглядел как неловкий дурак.

В этом нет ничего удивительного. Детство — это именно тот период, когда формируется характер, и тяжелая утрата родителей привела к тому, что Моэм гораздо хуже, чем его сверстники, умел выражать свои эмоции. В результате он постепенно замкнулся в себе и стал не слишком общительным. Он часто играл в одиночестве в саду или скучно бродил без дела. Одет в французский бархатный костюм с белым кружевным воротником, он явно не вписывался в окружающую обстановку.

Его замкнутый характер усугублял один роковой физический недостаток — заикание. Из-за этого он становился объектом насмешек. Гнев, уныние, отвращение к самому себе — все эти эмоции ему приходилось испытывать постоянно. Однажды он стоял в одиночестве в очереди у кассы, желая купить билет на поезд до «Уистейбл».

Наконец настала его очередь, но он никак не мог произнести название этого города. Двое мужчин оттолкнули его в сторону:

«Мы не можем ждать тебя целую ночь, не трать время зря».

Позор того момента остался в его памяти на всю жизнь. Все устали на него, и ему пришлось вернуться в конец очереди и встать заново. Чувство неполноценности, вызванное заиканием, было трудно преодолеть: даже став впоследствии знаменитым, он по-прежнему мог спокойно появляться на различных мероприятиях только в сопровождении близких друзей.

Одиночество и замкнутость были мучением для обычного человека Моэма, но для будущего писателя Моэма они оказались не без пользы. Именно из-за одиночества и замкнутости он с детства любил читать. Путевые заметки, биографии, рассказы о религиозной истории, классические романы... В долгие часы одиночества книги давали ему наибольшее утешение, позволяя уйти от жизненных страданий. И вот почему мы понимаем, почему Моэм назвал свои заметки о чтении «Чтение — это убежище, которое всегда с тобой».

В 1885 году Моэма отправили в школу: Королевскую школу в Кентербери. Это одна из старейших школ Англии, основанная Генрихом VIII в 1541 году. Писатель Диккенс когда-то

отдал дань уважения этой школе в одном из своих романов: герой его романа Дэвид Копперфилд учился именно здесь.

11-летний Моэм в первый день в школе. Первым делом он попросил дядю не забыть сказать директору, что «я заикаюсь». В результате, после утренних уроков его опасения оправдались: он стал объектом насмешек.

К счастью, он отлично учился. Через три года он получил стипендию, а также привилегию носить чёрный короткий фрак. Постепенно одноклассники обнаружили, что Моэм на самом деле был проницательным, остроумным и обладал уникальным чувством юмора. Эти его черты стали характерными чертами литературных произведений писателя Моэма.

2. Моэм-бисексуал

Во время учебы в Королевской школе у Мома пробудилось сексуальное самосознание.

Несмотря на свою замкнутость, он был по натуре чувственным человеком. Он влюбился в одного из одноклассников — мальчика. Это помогло Моуму впервые осознать свою сексуальную ориентацию.

В 1888 году 14-летний Моэм заболел плевритом. Вернувшись в школу после лечения, он уже не мог успевать за программой. Со временем он окончательно покинул эту школу.

Четыре года спустя Мауму исполнилось 18 лет. Изначально он планировал сразу устроиться на работу, но, к сожалению, из-за заикания не мог ни оправдать надежды дяди стать священником, ни пойти по стопам отца — стать адвокатом или судьей. Не имея другого выхода, он был вынужден продолжить обучение. Из множества специальностей он выбрал медицину.

В 1892 году он приехал в Лондон, в Англию, чтобы учиться медицине в Медицинском колледже Томаса. Анатомия, физика, химия... Эти предметы казались ему крайне скучными, зато трупы, от которых у других вызывала отвращение, он воспринимал вполне нормально. Так хирургический скальпель стал тем инструментом, которым он владел лучше всего. Он часто вскрывал трупы, курия и беседа с однокурсниками и преподавателями.

В этот период он в очередной раз подтвердил свою сексуальную ориентацию. Впервые он вступил в половую связь с женщиной. Причиной тому стало то, что он не мог терпеть, как другие парни постоянно хвастались перед ним своими сексуальными приключениями, и решил, что у него тоже должно быть чем похвастаться. Поэтому он вышел на улицу и нанял проститутку: всего за один фунт одна из них согласилась переспать с ним.

Она привела его к себе домой; кровать была ужасно грязной, но это не помешало их «делу». Правда, позже Моэм «удачно» подхватил гонорею и был вынужден лечиться втайне от всех. Однако в глубине души он не испытывал стыда, а даже испытывал некоторую тайную радость, ведь теперь он наконец-то мог присоединиться к числу тех, кто хвастается своими подвигами.

Этот опыт имел для него огромное значение: он обнаружил, что является бисексуалом. Заикание и без того заставляло его чувствовать себя не таким, как все, а бисексуальность только усугубляла это чувство неловкости. Однако одна фраза преподавателя на занятии по анатомии, похоже, пробудила в нём осознание: «С точки зрения анатомии необычные явления также являются нормальными». С тех пор он в глубине души полностью принял себя. В поздние годы Моэм так подытожил свою сексуальную ориентацию: «Я на четверть нормальный и на три четверти гомосексуал. Хотя я изо всех сил пытался убедить себя, что я на три четверти нормальный и на четверть гомосексуал. Это была моя самая большая ошибка».

В апреле 1895 года 21-летний, сексуальный и элегантный Моэм наслаждался уединением со своим любовником Бруксом на Капри, когда услышал плохую новость: Оскар Уайльд был приговорен в Лондоне к двум годам каторжных работ за гомосексуальные отношения. Хотя Моэм считал, что это дело не имеет к нему прямого отношения, он тем не менее осознавал: бисексуальности недостаточно просто признать самой себе — пока общество её не признаёт, свою личную жизнь нужно тщательно охранять и скрывать всю жизнь. В течение последую-

ших 70 лет Моэм жил в настоящем страхе, опасаясь, что его личная жизнь станет достоянием общественности, и даже боясь, что из-за этого его будут шантажировать или арестуют.

Он ни при каких обстоятельствах не мог обходиться без мужчин. Всю свою жизнь он испытывал непреодолимую зависимость от своих партнеров-мужчин. Их отношения начинались с сексуальных связей, но постепенно эти люди становились неотъемлемой частью жизни Мома: друзьями, любовниками, секретарями...

«Дорогой спутник и моя одинокая юность», — так Моэм описывал Пэйна, важного мужчину, появившегося позже в его жизни. Они общались более двадцати лет, и все это время Пэйн оказывал ему незаменимую услугу: помогал Моэму вступать в контакт с незнакомыми людьми. Из-за заикания Моэм не мог свободно разговаривать с незнакомыми людьми в общественных местах, а Пэйн, с его непринужденными манерами и изысканной речью, был для него идеальным спутником.

После Пэйна в его жизни появился самый любимый мужчина: Джерард Хакстон.

Когда они встретились, Моэму было сорок лет, а Хакстону — двадцать. При первой встрече Хакстон сказал Моэму: «Я знаю, что ты писатель и любишь слушать истории, а я — человек, который любит разгуливать и заводить друзей. Ты платишь мне, а я рассказываю тебе истории, которые наслушался, бродя по всему миру».

Моэм без памяти влюбился в Хакстона; несмотря на то что у него уже была семья, он шесть месяцев в году путешествовал с Хакстоном. Его любовь к Хакстону выдержала испытание временем и длилась целых 30 лет.

Хакстон прекрасно понимал Мома и доставлял ему много радости. Когда Моэму было 64 года, Хакстон устроил ему роман с индийским мальчиком на лодке; когда Моэму было почти 70 лет, Хакстон познакомил его с молодым нью-йоркским поэтом. Они путешествовали по всему миру: Греция, Египет, Таити, Китай, Индонезия, Малайзия, Борнео, Самоа... Британский писатель Эвелин Уор очень завидовал жизни Мома, говоря, что тот прожил достойную жизнь, побывал везде, встретил всех и попробовал всё.

На протяжении всей своей жизни Мома сопровождали в основном три мужчины. Хакстон был тем, кто пробыл с ним дольше всех, оказал на него наибольшее влияние и был его самым любимым. Как и у обычных влюбленных, у них бывали противоречия и ссоры. Но Хакстон был настоящим проказником: молодым, очаровательным, крепким, полным мужественности, а главное — таким же сексуально активным, как и Мома, и досконально знающим, что нравится Моэму.

В 1941 году вышла в свет книга Мома «Под луной Флоренции». Считается, что главный герой романа, Роли, — это именно Хакстон. Он был легкомысленным и распутным, беззаботно наслаждался жизнью, не испытывал недостатка в деньгах, был искренним, любил жизнь и приключения и предпочитал жить по-своему.

В 1944 году 52-летний Джерард Хакстон заболел тяжелой формой туберкулёза и скончался в Нью-Йорке. 70-летний Моэм был безутешен и рыдал, потеряв голос. Он был слишком стар, чтобы вынести столько горя.

3. Писатель Моэм

Еще в школьные годы в Кентербери Моэм увлекся литературой. Он стал заядлым самоучкой. Объём прочитанного был поразительным: классические произведения на самых разных языках не ускользали от его внимания. Английский, французский, немецкий, русский, итальянский — одному Богу известно, когда он успел выучить столько языков, что за два месяца смог прочитать три пьесы Шекспира, двухтомник «Писем к Римлянам», большую часть «Истории французской литературы», а также несколько английских и французских романов и две научные книги...

Он не только читал, но и любил заучивать целые отрывки наизусть или пересказывать прочитанные сюжеты своими словами. Возможно, именно с этого момента он, сознательно или

бессознательно, подготовился к литературному путешествию и захотел оставить на этом пути свой след.

В октябре 1896 года студент медицинского факультета Моэм начал изучать акушерство и гинекологию, а также осваивать практику акушерского дела. За три недели он принял участие в 63 родах. Все эти переживания послужили материалом для его литературного творчества. Спустя несколько лет его первый роман «Лиза из Ламбеса» рассказывал именно о том, что видел и слышал стажер-врач, принимая роды у бедных женщин в трущобах.

Роман тогда стоил 3 шиллинга 6 пенсов, тираж первого издания составил 2000 экземпляров. Издатель и Моэм оговорили в контракте следующее: за первые 750 проданных экземпляров авторского гонорара не полагалось, а за следующие 1250 — полагалось 10 % от продажной цены. Через две недели «Лиза из Ламбеса» была полностью распродана. Моэм мгновенно стал восходящей звездой литературного небосклона. После этого он оставил медицину ради литературы и посвятил себя писательству, проработав в этой сфере 70 лет. «Я пишу, потому что не могу удержаться», — говорил он позже.

С точки зрения квалификации Моэм вполне мог бы стать отличным врачом. В октябре 1897 года он получил диплом больницы Святого Томаса, что позволяло ему практиковать в качестве члена Королевского колледжа хирургов. Одновременно он получил лицензию на практику от Королевского колледжа врачей-терапевтов. Однако, поскольку его призванием было писательство, он никогда не задумывался о том, чтобы посвятить себя врачебной профессии. Позже он очень сожалел о том, что тогда поспешно отказался от карьеры врача: «Я был полным дураком. Я мог бы писать по вечерам, и тогда мне не пришлось бы мучиться в финансовых затруднениях».

Наивный Моэм полагал, что благодаря большому успеху романа «Лиза из Ламбеса» он получит высокие гонорары, но в итоге ему досталось всего лишь 20 фунтов стерлингов; он считал, что издательство его обмануло. Несмотря на это, он всё же решил продолжить писать.

Многолетняя практика врача позволила Моэму познать все грани общества, увидеть всю сложность человеческих отношений и научиться изображать и анализировать жизнь и общество с помощью пера, холодного и острого, как скальпель. Так появились «Тайна восхождения одного святого», «Приличный человек»...

22 февраля 1903 года пьеса «Приличный человек» была поставлена в Имперском театре и имела огромный успех. Однако этого было недостаточно для Маума: он считал, что зрителей слишком мало, а ему нужна была широкая публика.

Эта мечта сбылась в 1907 году. В том году пьеса Мома «Миссис Фредери» произвела фурор. Её ставили повсюду: от Королевского придворного театра до обычных театров, Стандартного театра и Нового театра. В театре Моши она прошла 422 представления подряд. Это было незабываемо. Благодаря этому успеху ему удалось продать три пьесы, которые ранее были отклонены издателями. Он с оптимизмом решил, что больше не будет писать книг, а посвятит остаток жизни драматургии.

Он начал часто появляться в высшем обществе, завязывая знакомства с крупнейшими литераторами и знаменитостями. Разумеется, не обошлось и без романтических приключений. Он искренне влюбился в женщину по имени Су, и эта любовь длилась целых восемь лет. Позже он даже взял её за прототип персонажа в романе «В поисках удовольствий».

Хотя он категорически заявлял, что собирается сосредоточиться на драматургии и больше не будет писать книг, на самом деле, параллельно с созданием пьес он не прекращал писать романы. Помимо коротких рассказов, он вложил огромное количество энергии и времени в написание романа «Оковы жизни».

«Оковы человеческой природы» — не автобиография, а автобиографический роман. В ней есть и факты, и вымысел; чувства действительно исходят из глубины души Мома, но сами события не обязательно имеют к нему личное отношение. Первое издание книги вышло в 1915

году, когда Мому было уже за сорок. Отзывы о книге были неоднозначными, и только в 1920-е годы, после огромного успеха романа «Луна и шесть пенсов», «Оковы жизни» были вновь открыты для читателей, а в 1934 году по ней был снят фильм.

Как известно, главный герой романа «Луна и шесть пенсов» прототипом которого послужил художник Гоув. Первоначально герой имел хорошую работу и семью, что позволяло ему наслаждаться стабильным счастьем. Но однажды он внезапно бросил жену, уехал в Париж и стал жить жизнью художника. После ряда перипетий он умер на малоизвестном острове. До самой смерти он так и не обр.

Весь роман построен вокруг этого «странного» человека, позволяя читателю проникнуться озарением: «Жизнь можно прожить и так». «Преследовать мечту — значит преследовать собственную гибель; на улице, усыпанной шестипенсами, он поднял голову и увидел лунный свет».

Тот самый остров, на котором был похоронен главный герой, — это Таити, где жил художник Гоген. Когда Моэм прибыл на остров, друг Гогена познакомил его с одной женщиной-вождь. Она рассказала Моэму, что в доме неподалеку хранятся картины Гогена.

Это был одноэтажный домик с двумя комнатами; хозяином был туземец с плоским носом и смуглой кожей, который с улыбкой пригласил гостя войти. Моэм с первого взгляда узнал работы Гогена.

Говорят, что в 1892 году Гогена, страдавшего сифилисом и умершего от этой болезни, привезли сюда, где о нём заботился местный фермер. В знак благодарности Гоген нарисовал картины на трёх дверях. Две из них были сильно повреждены, а третья сохранилась относительно хорошо. На двери была изображена соблазнительная таитянка с чёрными волосами, полуобнажённая, держащая в руке тяжёлый зелёный плод хлебного дерева.

Моэм сразу же предложил купить эту дверь. Хозяин не интересовался живописью и был готов продать её, если цена позволит ему купить новую дверь.

«Сколько?» — спросил Моэм.

— Сто франков.

«Хорошо, я дам вам двести», — ответил Моэм.

Роман «Луна и шесть пенсов», основанный на жизни Гогена, содержит подробное описание его жизни на Таити. Помимо этого, такие произведения, как «На острие ножа» и «Завеса», сразу же после выхода в свет получили высокие оценки критиков и пользовались большим успехом у читателей.

Моэм обладал острым наблюдательским умом и обширными познаниями, а его герои были полноценными и яркими. В книге «Мастера и шедевры» он писал: «То, какие книги может написать писатель, зависит от того, каким человеком он является». Творчество Моэма отличалось широким спектром тем и заставляло задуматься. Многие писатели черпали у него вдохновение. Он был мастером повествования и обладал исключительным мастерством владения языком. Его поздние произведения даже не требовали дополнительной проверки со стороны редактора: как только редактор получал рукопись, он сразу отправлялся в типографию, а после печати присылал Мауму корректуру, которую тот возвращал в течение десяти дней. Редакторы не изменяли ни одной запятой. Принцип Маума заключался в том, что он не хотел, чтобы кто-либо вносил изменения в рукопись, которую он уже отредактировал.

Моэм стал настоящей звездой благодаря своим пьесам и романам. В начале XX века он писал для журнала « », где гонорар за каждый рассказ достигал 2500 долларов. В конце 20-х годов, когда в США произошёл крах фондового рынка и экономический коллапс, в результате чего сотни людей остались без работы, пьесы Моэма по-прежнему шли с аншлагом в крупнейших театрах, а журнал «Metropolis» даже предложил ему за его рассказы баснословный гонорар — 1 доллар за слово.

В конце 30-х годов слава Мома достигла своего пика. За два минуты интервью для СМИ он мог заработать 500 долларов — такого не мог добиться ни один другой писатель того времени. В Лондоне он арендовал пятиэтажную виллу на срок в 800 лет, а позже приобрел 9 гектаров земли и виллу в курортном районе Ривьеры на Средиземном море, назвав её «Вилла Малеско». Всю вторую половину своей жизни он в основном проводил здесь, ведя гордый и расточительный образ жизни.

За этой жизнью, полной гордости и разгула, скрывалась душа, отличавшаяся самодисциплиной.

Даже в самые разгульные дни он по-прежнему строго придерживался своего плана работы. Каждый день он вставал очень рано. Перед завтраком он посвящал час чтению, куря трубку и пролистывая газеты. После завтрака, около половины девятого, он приступал к ежедневным утренним процедурам: принимал душ, брился, одевался, а чуть позже девяти возвращался в кабинет и начинал рабочий день, который длился до половины первого. Пора было отдохнуть.

Он спускался вниз, чтобы выпить с приглашёнными гостями по коктейлю — и только один — а затем обедал. После обеда гости продолжали свои обычные развлечения, а Моэм выводил на прогулку по тропинке своего любимого такса. Затем он уделял время ответам на письма поклонников. Вечером он не работал, а играл с друзьями в бридж до одиннадцати часов, после чего ложился спать. Регулярный образ жизни был необходим для того, чтобы обеспечить себе достаточно энергии для творчества.

Судя по всему, его ежедневный рабочий день длился всего три часа — это был принцип работы, которому следовал Дарвин. Он считал, что Дарвин, работая по три часа в день, стал известным учёным, и что для писателя трех часов работы в день вполне достаточно.

Эта уверенность во многом связана с тем, что в его голове всегда хватает идей для историй. Когда он пишет, он никогда не составляет план. Как только начинает писать, остановиться просто невозможно. Первый черновик он пишет очень быстро, на одном дыхании. Зато при редактировании он очень тщателен и не торопится. Иногда он даже переписывал один и тот же абзац несколько раз. Когда всё было готово, он с необычайным воодушевлением передавал рукопись редактору. Но как только книга выходила в свет, появлялась в книжных магазинах и попадала в руки читателей, он больше не интересовался ею и не обращал внимания на чужие отзывы.

Творчество Мома как романиста опиралось на его богатый жизненный опыт; он считал, что ему не хватает воображения и он может лишь изображать реальных людей и события. Его мастерство в изображении было чрезвычайно глубоким: созданные им персонажи и рассказанные истории казались даже более реальными и причудливыми, чем сама реальность. Поэтому у большинства персонажей его всемирно известных произведений есть прототипы. Роман «Луна и шесть пенсов» основан на жизни художника Гоуэя, «Флоренция при лунном свете» — на истории его возлюбленной Хакстон, а «Оковы жизни» — автобиографический роман. Считается, что в романе «В поисках удовольствий» прообраз главного героя — писатель Харди, хотя сам Моэм неоднократно это отрицал. Что касается персонажей других произведений, то их прототипы наверняка можно найти в биографии Моэма, просто мы об этом не знаем.

Моэм считал, что у него не было литературного таланта и что он никогда не учился у какого-либо учителя. То, что он стал писателем, было исключительно результатом его собственных усилий.

Читая великие литературные произведения, он восхищался мастерством великих писателей. Чтобы обогатить свой словарный запас, он брал с собой бумагу и ручку и отправлялся в Британский музей, где собирал названия драгоценностей, нефрита, редких и экзотических предметов — он записывал названия всех предметов, а затем составлял из них целые предложения на случай, если они когда-нибудь пригодятся. Путешествуя, он нигде не задерживался

надолго, но обязательно сразу же записывал свои впечатления. Если вы читали романы Мома, а также его сборники прозы, такие как «Записки писателя», то заметили, что в своих романах он описывает в основном то, что действительно происходило в реальности. То, что Мом в конечном итоге стал одним из величайших мастеров мировой прозы, ничуть не удивительно.

Маум пережил в своей жизни слишком многое, но с чем бы ни сталкивался, в конечном итоге он всегда умел с этим справиться. Он был полон любопытства к миру и к самым разным людям. С другой стороны, он считал, что в этом нет ничего удивительного, ведь у каждого человека есть своя логика жизни, и его задача как писателя — воплотить эту, казалось бы, нелогичную логику в словах, чтобы читатели получили удовольствие от чтения. Он прожил долгую жизнь, но ещё дольше, чем он сам, проживут его произведения.

4. Маум как муж

Маум, на три четверти гомосексуалист, действительно был женат. Его жена Сирил была модным дизайнером интерьеров и, когда познакомилась с Маумом, была замужем. Маум изначально намеревался рассматривать отношения с ней как одну из бесчисленных любовных интриг, но не ожидал, что эта женщина отнесётся к ним с невероятной серьёзностью и решит завладеть им.

Сирил начала яростное наступление на Мома и даже торжественно объявила, что хочет родить от него ребенка. Это действительно удивило Мома, но он не стал насторожиться. Вскоре Сирил заявила, что у неё случился выкидыш, и Моэм наконец понял, что у него возникли проблемы, но так и не извлек из этого урока. Позже Сирил снова забеременела и действительно родила девочку, которую называли Элизабет.

Чтобы заполучить Мома, она даже устроила спектакль с попыткой самоубийства. Она позвонила Моуму и сказала, что приняла передозировку снотворного, и попросила его немедленно приехать. В конце концов, Мом, не имея выхода, в 1919 году был вынужден жениться на ней.

Поначалу казалось, что супруги неплохо уживаются. Их часто видели вместе на вечеринках, в художественных галереях и на спектаклях. Старший брат Мома и его жена были рады, что он наконец-то устроился в жизни. Но это было лишь представление для публики; на самом деле их отношения давно развалились, и о счастье не могло быть и речи.

Его жена Сирил не читала книг, умела говорить только о платьях и мебели, и у них не было общих интересов. Кроме того, их характеры были диаметрально противоположны. Моэм был застенчивым, молчаливым человеком, не любившим проявлять эмоции. Сирил же была вспыльчивой, с резкими перепадами настроения. Моэм часто говорил ей: «Хватит уже капризничать!»

В сексуальной жизни у них тоже не складывалось. Сирил часто проявляла сильную сексуальную жажду, доходящую до такой степени, что Моуму становилось невыносимо. Когда Сирил не получала удовлетворения, она обвиняла Моума, что, несомненно, ввергало его в глубокую сексуальную депрессию.

Сирил жаждала любви, но Моэм всегда оставался равнодушным. Сирил, не глядя на последствия, пыталась вызвать у Моэма какую-либо реакцию, но в ответ получала лишь ещё большее равнодушие. Когда она теряла самообладание, она устраивала громкие сцены, из-за чего Моэм даже боялся возвращаться домой. Без сомнения, этот брак стал для Моэма самым большим сожалением в его жизни.

Наконец, 11 мая 1929 года супруги развелись. Сирил использовала в своих интересах тот факт, что Моэм был гомосексуалистом, намереваясь получить крупную компенсацию. Моэм был готов заплатить денежную цену за свою свободу. Он переписал дом на имя своей дочери от Сирил, Лизы, а также выплатил в качестве компенсации автомобиль «Роллс-Ройс» и ежегодную ренту в размере 2400 фунтов стерлингов.

После развода Моэм познакомился с 18-летним Алланом, которого он нанял в качестве секретаря, чтобы тот помогал ему в рабочих делах и сопровождал его в поездках. Он приглашал всех своих близких друзей в виллу Малеско, купленную за огромные деньги, и вел роскошную, полную плотских удовольствий жизнь. Играл в теннис, гольф, пил, плавал, играл в бридж — жил в роскоши и разгуле.

Несчастливая семейная жизнь измотала Мома, и единственным утешением для него был процветающий творческий путь. В конце августа 1919 года его новая пьеса «Семья и красавица» получила широкое освещение в прессе и шла в театре несколько месяцев подряд. Впоследствии были поставлены пьесы «Письмо» и «Святой огонь», которые также имели огромный успех. Успех в карьере помог Моуму отправиться в давно запланированное путешествие по Дальнему Востоку, которое послужило источником вдохновения для создания ещё одного важного произведения — «На китайском ширме».

Во время путешествия по Дальнему Востоку Моэм, преодолев множество препятствий, побывал в Гонконге, Шанхае, Пекине и Шэньяне. В то время Китай переживал период потрясений, и в стране бесчинствовали феодальные военачальники. Однако он утверждал, что Китай может дать человеку всё, что он пожелает, поскольку его интерес был сосредоточен главным образом на иностранцах, проживающих в Китае: он хотел узнать, как живут в Китае эти люди, покинувшие свою родину.

Что касается китайцев, то, пожалуй, самое глубокое впечатление на него произвёл лишь один человек — Гу Хунмин.

Ку Гунмин был известным конфуцианцем, но уже много лет жил в уединении. В эпоху, когда большинство людей уже отрезали косы, он по-прежнему носил одну косу. Гу Хунмин учился в Оксфордском и Берлинском университетах, свободно говорил по-английски и с Момом увлечённо беседовал об истории, философии, а также об отношениях между Востоком и Западом. Гу Хунмин считал, что западные люди навязали Китаю злые изобретения. Он отчитал стоявшего перед ним ошеломлённого Мома: «Разве вы не знаете, что мы — народ, обладающий природным талантом к механике? Когда желтокожие смогут изготовить столь же совершенное оружие и открыть огонь по вам, какое преимущество останется у вас, белых?» Эта пламенная речь была включена Момом в его пьесу «К востоку от Суэца», написанную в 1922 году.

Помимо того, что его отчитал Гу Хунмин, Моэм в целом проводил в Китае довольно беззаботную жизнь. Он путешествовал со своей возлюбленной Хакстон, ездил на паланкине, верхом на лошади, ночевал в захудалых сельских гостиницах, а порой даже спал прямо на земле; он также проплыл на лодке-шанбоне 1 500 миль вниз по реке Янцзы до Чэнду, откуда на закате, стоя на городской стене, любовался заснеженными вершинами Тибета.

Всё в Китае было для него новым и удивительным. Он видел зелёные рисовые поля в деревнях, изящные бамбуковые рощи у дорог, широкие равнины, узкие горные тропы, пагоды, храмы, фермерские дома с загнутыми карнизами, разбросанные деревни — и всё ему нравилось. Он быстро записывал всё это.

В отличие от сельской местности, китайские города имели совершенно иной облик. В то время Шанхай был крупным мегаполисом с ярко выраженной коммерческой атмосферой: на набережной Вайтана повсюду располагались крупные банки и торговые дома. Ночные клубы в центре города открывали перед людьми бурную ночную жизнь. Кроме того, Шанхай был очень открытым городом, где можно было удовлетворить любые сексуальные пристрастия; особенно популярными среди европейцев были знаменитые публичные дома для мужчин. Что же касается Пекина, окруженного высокими городскими стенами, то, по мнению Мома, это был один из самых уютных городов в мире, где можно было спокойно дожить остаток жизни. Императорский город, узкие переулки — везде царил живая атмосфера. Мужчины и женщины, ста-

рики и дети — все ходили по рынкам, развлекались с птичками. Всё это Мома также запечатлел в своих записях, которые стали одним из источников вдохновения для романа «Завеса».

5. Моэм-шпион

Среди многочисленных ролей Мома, пожалуй, самой необычной была роль шпиона.

В июне 1917 года Моэм, поглощённый драматургическим творчеством, получил телефонный звонок от своего друга Уильяма Вайсмана, который спросил, не заинтересован ли он в работе в военное время. Этот Уильям Вайсман работал в американском отделении британской разведслужбы, и его основной задачей было тайно убедить Россию продолжить участие в Первой мировой войне, чтобы она вместе с Великобританией, как член Антанты, противостояла странам Антанты. Для достижения этой цели ему нужно было отправить тайного посланника в Петроград для проведения работы по проникновению. И он подумал о Моэме.

Моэм был приятно удивлён. Однако его интересовали совсем другие вещи: он был в восторге от того, что у него появилась возможность пожить на земле, где когда-то жили такие литературные величины, как Толстой, Чехов и Достоевский, а также завести знакомства с представителями высших кругов за рубежом.

Вайсман обратился к Моэму не по прихоти: он знал, что тот ранее занимался подобной деятельностью. Правда, в тот раз это было в Швейцарии. По мнению опытного Моэма, шпионская работа вовсе не была такой опасной и захватывающей, как себе представляют люди, а, напротив, была безопасной и однообразной.

Отправляясь в Россию, Моэм в первую очередь сформировал группу шпионов, задача которых заключалась в том, чтобы выслушивать отчёты шпионов со всех сторон, составлять подробные доклады и отправлять их с помощью шифра. Этот опыт он описал в романе «Британский агент». Этот роман считается «первым шпионским романом, написанным человеком, который сам пережил эти события и принимал в них непосредственное участие».

Подробности разведывательной работы остаются неизвестными — в конце концов, речь идет о важных событиях, связанных с мировой войной, которые до сих пор хранятся в строго секретных документах. Однако Моэм действительно, воспользовавшись удобствами своего шпионского статуса, познакомился со многими влиятельными историческими личностями и даже провел доверительную беседу с министром обороны России Борисом Викторовичем Савенковым.

Политика не была единственной составляющей жизни Мома в России — здесь было слишком много всего, чему можно было научиться и чем можно было наслаждаться. Каждое утро он посещал урок русского языка, чтобы с жадностью погружаться в великие литературные произведения России — как прошлые, так и современные. В хорошую погоду он гулял по Невскому проспекту, а по вечерам посещал светские мероприятия в Петрограде. Вскоре в его жизнь вошло немало людей, и он обрёл здесь свой круг общения.

Эта работа под прикрытием, казалось, закончилась для Мома немного рано. В середине октября стало очевидно, что антивоенные большевики в России вот-вот придут к власти, и присутствие Мома утратило смысл. Тогда он немедленно отправил в Лондон секретное письмо, и туда прислали эсминца, чтобы забрать Мома домой. Позже, вспоминая эти события, он с некоторой долей сожаления говорил: «Как печально, я потерпел неудачу». «На мой взгляд, если бы меня отправили туда на шесть месяцев раньше, у меня по крайней мере была бы шанс на успех».

Несмотря на это, начальство Мома осталось весьма довольным его работой и предложило ему стать связным лицом польской группы в Лондоне и Париже, чтобы поддержать Румынию в продолжении борьбы. Однако плохое самочувствие Мома не позволяло ему пойти на такой риск. Он уехал в один из шотландских санаториев и полностью выздоровел лишь спустя два года. Вспоминая отклоненное им поручение в Румынии, он очень сожалел и считал, что, хотя это и было рискованно, ему всё же следовало поехать, потому что сам риск того стоил.

Шпионская карьера Мома позволила нам увидеть другую сторону его характера. Он был не просто писателем, но и политиком, обладавшим острым чутьем к политической обстановке. Его богатый жизненный опыт давал ему богатый материал для творчества, который казался неисчерпаемым.

Маума больше нет среди нас

Большинство писателей в мире становятся известными только после смерти, и лишь немногие удостоиваются всеобщего признания при жизни. Но Моэм на протяжении своих 91 года жизни большую часть времени прожил как известный писатель. Каково это было?

Видеть, как твои книги расходятся миллионными тиражами;

наблюдать, как твои книги переводят практически на все известные языки;

наблюдать, как вместе с успехом книг приходят огромная слава и богатство;

наблюдать, как люди один за другим приходят в его роскошную виллу, чтобы сфотографироваться и снимать видео...

Наблюдать за всем этим вплоть до 1965 года, когда ему было 81 год и одна газета взяла у него интервью с целью издать его биографию. Он отказался. Причина была следующая: «Жизнь современного писателя сама по себе скучна. Я не хочу ассоциироваться со скукой».

Однако те, кто его знал, понимали: если его жизнь можно назвать скучной, то что же тогда вообще значит «увлекательная»? Его собственная жизнь была в десять тысяч раз увлекательнее романов, которые он писал.

Он был многогранен и многоличен. Если и нужно описать его одной фразой, то никто не выразил это полнее, чем биограф Тед Морган:

Моэм — это совокупность всего перечисленного ниже: замкнутый ребёнок, студент медицинского факультета, творческий романист, безбашенный бродяга в Париже, успешный драматург лондонского Вест-Энда, светский деятель британского общества, водитель санитарной машины на фронте во Фландрии во время Первой мировой войны, британский шпион, проникший на работу в Россию, гомосексуалист, муж, изменявший своей жене с чужой женой, радушный хозяин салонов современных знаменитостей, пропагандист времен Второй мировой войны, романист, чьи книги читает больше всего людей со времён Диккенса, легендарная личность, сохранившая бодрость духа благодаря клеточной терапии, и упрямый старик, пытавшийся лишить дочь права на наследство, усыновив свою любовницу-секретаршу...

Рано утром 16 декабря 1965 года Моэм скончался на Французской Ривьере, всего за месяц до своего 91-го дня рождения. Его прах был захоронен в библиотеке имени Моэма в Королевской школе в Кентербери. В память о нем в Йельском университете в США был создан архив.

Жизнь Мома была настолько яркой, что, казалось, каждый его день был необыкновенным, но мы не можем подробно рассказать о каждом из них. Даже критики, внимательно следившие за его жизнью, не могли уловить ритм Мома. В одном из интервью Мом сказал:

«Когда мне было 20 лет, критики называли меня грубым; в 30 — легкомысленным; в 40 — циничным; в 50 — энергичным; а когда мне исполнилось 60, они снова называли меня поверхностным».

Моэм был очарователен и всегда умел творить чудеса в жизни. Никто бы и подумать не мог, что тот мальчик, который в детстве заикался, вырастет и станет мастером пера; никто бы и подумать не мог, что такой застенчивый человек всю жизнь будет метаться между любовницами обоих полов; никто бы и подумать не мог, что этот невысокий мужчина сможет возглавить группу шпионов, действующих в политических кругах; никто бы и подумать не мог, что он способен на гораздо большее, чем мы можем себе представить. Он рассказывал читателям о своих путешествиях и при свете дня говорил мне гадости о Боге. Он не стеснялся признаваться в любви к деньгам, никогда не хотел жить в страданиях и всегда умел свободно наслаждаться жизнью.

Он ушел, оставив после себя множество произведений, которые люди могут читать; он ушел, оставив после себя множество тайн, о которых люди могут гадать.

Моэм — один из самых прославленных писателей в истории Англии, имевший в XX веке больше всего читателей. Его произведения не только были бестселлерами своего времени, но и не теряют актуальности. И по сей день они остаются обязательными для чтения для широкого круга любителей литературы. Но еще более увлекательной, чем его романы, была его полная взлетов и падений, легендарная жизнь.

Как он вырос, потеряв обоих родителей в раннем возрасте, как он справлялся со своей особой сексуальной ориентацией, как решал проблемы в браке, как достиг вершин литературы, как путешествовал по миру, как справлялся с невыполнимыми политическими миссиями... Понимание самого Моэма — это ключ к пониманию его произведений. В конце концов, каждый писатель в своих произведениях пишет о себе. В мире есть только один Моэм, но в то же время существует бесчисленное множество Моэмов: Моэм-сирота, Моэм-бисексуал, Моэм-писатель, Моэм-муж, Моэм-шпион, Моэм-любовник, Моэм-путешественник... Сколько есть Моэмов, столько же и связанных с ними историй.

Уильям Фолкнер: летчик среди писателей

Представьте себе такую картину: вскоре после того, как предки человечества овладели языком, среди них стало популярным проводить досуг, сидя вокруг костра и рассказывая истории. Закончив дневную работу, они наконец-то могли отдохнуть, послушав несколько историй. Вокруг костра сидели ещё несколько детей — будущее человечества. Они слушали рассказы старших, понимая лишь отчасти. Позже рассказы старших поколений отрывочно передавались из уст в уста из поколения в поколение, и никто не знает, сколько поворотов сюжета было утрачено и сколько препятствий добавлено за это время. Несомненно, вся последовательность событий неизбежно должна была быть передана первому человеку, зафиксировавшему их на бумаге. Он, подобно своей матери, увлечённой плетением, неустанно перемещал перо между нитями текста. Его мать знала, кому эта вязаная ею одежда согреет зиму, а он ещё не знал, насколько его слова обогатят истории жизни многих людей.

1. Рассказчик

Если перенестись из древности в 1897 год, то мы обнаружим, что 25 сентября будущий летописец по имени Фолкнер появился на свет в округе Лафайет штата Миссисипи, США. Этот уголок на юге США был городом, зародившимся в 1930-х годах в результате насилия. Еще не успели утихнуть родовые муки его зарождения, как огонь Гражданской войны, словно прилив, опустошил каждый дюйм этой земли. Детство Фолкнера тихо прошло на фоне рассказов об этих «родовых муках».

Говорящие не задумывались, а слушающие вникали. Никто из тех мужчин, сидевших вокруг костра и рассказывавших истории, не предполагал, что их беспечно произнесенные слова так глубоко укоренились в сердце еще не повзрослевшего ребенка, а впоследствии, благодаря постоянному питанию, построили параллельный мир за пределами реального мира округа Лафайет.

Один знакомый, знавший его много лет, как-то сказал о Фолкнере: «Кажется, он слышал каждую версию каждой истории и запомнил их все».

Эта поразительная память, позволявшая ему ясно запоминать сцены, события, персонажей и даже интонацию речи, стала его уникальной сильной стороной. Если взглянуть на это в более широкой перспективе, всё это послужило важной основой для становления Фолкнера как романиста.

Однако он, казалось, ничего об этом не подозревал. В 55 лет в письме к одной из своих подруг он вспоминал:

«Какой удивительный дар у меня: не получив никакого образования в традиционном смысле, не имея даже особо образованных друзей, не говоря уже о литературных соратниках,

я всё же совершил то, что совершил. Я не знаю, откуда это взялось. Я не знаю, почему Бог, боги или кто бы то ни был выбрали именно меня в качестве избранника».

Этот избранник Бога назвал созданный им параллельный мир «Йорк-на-Патафа», что означает «медленно текущая вода на равнине».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.